

УДК 94(516)

**ПАЛОМНИЧЕСТВО МУСУЛЬМАН ВОСТОЧНОГО (КИТАЙСКОГО)
ТУРКЕСТАНА: ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Вл.П. Литвинов

Анализируются основные направления паломничества мусульман Восточного (Китайского) Туркестана для сравнения этого процесса с идентичным явлением в Западном (Русском) Туркестане.

Ключевые слова: Восточный Туркестан; мусульмане; паломничество; “святые места”; хадж.

**PILGRIMAGE OF EAST (CHINESE) TURKESTAN MOSLEMS:
HISTORICAL-COMPARATIVE ASPECT**

Vi.P. Litvinov

The article analyses the main directions of pilgrimage of East (Chinese) Turkestan Moslems. The author provides data for comparison of this process with the identical phenomenon in West (Russian) Turkestan.

Keywords: East Turkestan; Moslems; pilgrimage; “holy places”; hajj.

Нам приходилось немало писать о паломничестве мусульман на российских территориях в Средней Азии (Западном Туркестане). Есть монография на эту тему [1], есть статьи. Но мы всегда полагали, что Туркестан как мусульманская ойкумена был един, а потому представлялось любопытным затронуть вопрос о паломничестве приверженцев религии Пророка в восточной части этого региона. В данной статье мы попытаемся сделать это, с тем чтобы убедиться, насколько схожими были паломнические процессы во всем туркестанском субрегионе Азии.

Китайские авторы пишут о том, что Восточный Туркестан издревле тяготел к Китаю и назывался по-ханьски “Сиюй” [2, с. 1]. Мы не станем оспаривать это обстоятельство, поскольку известно, что китайцы действительно имели оживленные торгово-экономические связи с этим регионом еще при династии Тан (618–907 гг.). И мы не исключаем, что они существовали и во времена предшествующих китайских династий – Цзинь и Суй. Однако представляется неопровержимым тот факт, что указанные связи фактически были свернуты после знаменитой Таласской битвы 751 г. Любопытно, что, по мнению кыргызстанского историка О.Дж. Осмонова, после нее “и китайцы, и арабы были вынуждены бесславно возвратиться домой” [3, с. 13]. Иного взгляда на результаты битвы 751 г. придержи-

вается казахский историк Н.С. Бакина. Она пишет: “В 751 г. у города Атлах произошло грандиозное сражение между тюркешско-арабскими войсками и китайцами, на стороне арабов принимали участие и тюркские племена карлуков. Китайские войска потерпели поражение. Атлахская битва (751 г.) имела большое историческое значение, так как китайцы навсегда покинули территорию Жетысу. Битва 751 г. положила конец попыткам Китая впредь вмешиваться в дела Жетысу” [4, с. 9]. Ее “земляк” П.С. Белан пишет о том, что “в 751 г. у Самарканда китайцы потерпели поражение в битве с арабами” [5, с. 20]. Вызывает удивление “знание” им географии – Талас находится в тысяче километров от Самарканда. Наконец, Ибн аль-Асир (1160–1233 гг.) свидетельствовал в “Китаб ал-камил фит-тарих” о том, что в 750 г. “поссорились ихшид Ферганы и царь Шаша (Ташкента. – *В.Л.*). Ихшид попросил помощи у царя Сина (Китая. – *В.Л.*), и тот дал ему подкрепление из 100 тысяч воинов, царя Шаша окружили, и он сдался на милость царя Сины, и тот не причинил зла ни ему, ни его приближенным. Известие об этом достигло Абу Муслима, и он выслал на войну с ними Зийада ибн Салиха. Они встретились на реке Тараз, и мусульмане победили их, перебили 50 тысяч и взяли в плен 20 тысяч, остальные бежали в Син. Битва произошла в месяц зул-хиджа в сто тридцать третьем году (июль 751 г.)” [6, с. 372].

Следует заметить, что во времена Таласского сражения население Восточного Туркестана еще не было исламизировано, а потому и не имело никаких “святых мест” ислама как объектов паломничества. Однако как бы там ни было, но представляется совершенно очевидным, что Китай был изгнан арабами-мусульманами из Центральной Азии, причем на целое тысячелетие, поскольку, по свидетельству А.Н. Куропаткина, китайский военачальник Чжаохой завоевал Кашгарию только в 1759 г. [7, с. 149]. Из этого следует, что Поднебесная на долгое время утратила власть над Восточным Туркестаном. Но ислам, напротив, в это время все больше завоевывал позиции в этом регионе. Сами китайские авторы признают, что ислам утвердился в Восточном Туркестане в 960 г. во время правления династии Караханидов, отмечая при этом, что “почти 600 лет понадобилось исламу для того, чтобы окончательно утвердить свое господство в Синьцзяне со времени его появления здесь в X в. Ислам смог вытеснить отсюда буддизм и стать господствующей религией по двум причинам. С одной стороны, это был в значительной степени результат использования в разные времена светскими властями исламского “джихада” в борьбе за местную власть. С другой стороны, это было тесно связано с крайне отсталой общественной и экономической системой Синьцзяна в то время” [2, с. 106].

Нелишне заметить, что мусульманская религия постепенно проникала непосредственно и в районы внутреннего Китая. Можно сказать, что ислам следовал заветам Пророка: “За знаниями не ленитесь идти даже в Китай, так как овладение знаниями обязательно для мусульман” [8, с. 71]. Распространение ислама во внутренних регионах Поднебесной приобрело особенную активность в эпоху монгольского господства в Китае. Монгольские правители покровительствовали мусульманам. Ими был даже учрежден Исламский государственный университет. В стране увеличивалось число тюрок-мусульман, занимавших высокие государственные должности. Казахский исследователь А.Ш. Кадырбаев пишет о том, что “с конца XIII в. мусульмане составляли значительную часть населения северо-запада Китая, крупные мусульманские общины появились на равнине Хуанхэ, на юго-западе, в Юньнани и других районах. Во главе каждой мусульманской общины стоял религиозный лидер – шейх-уль-ислам” [8, с. 70]. Дореволюционный русский церковный автор А.И. Агрономов писал в 1877 г. о том, что “мусульмане находятся во всех провинциях Китая, не исключая Кантона и Нанкина” [9, с. 8].

Естественно, что у мусульман внутренних районов Поднебесной появились и свои “святые места”, к которым они совершали регулярное паломничество. Нам приходилось писать о том, что

“большинство таких мест было в провинции Ганьсу, особенно в г. Хэчжоу, где “святых мест” было несколько, в связи с чем их комплекс назывался “Малой Меккой”, причем мусульмане из Ганьсу, Шэньси и иных провинций Внутреннего Китая разделяли идею “компенсационного” хаджа и считали, что трехкратное посещение “Малой Мекки” приравнивалось к паломничеству в настоящую Мекку. Это было неудивительным, поскольку Внутренний Китай находился от Мекки едва ли не в два раза дальше, чем города Туркестана (в том числе и Восточного)” [1, с. 299].

Мы упоминаем столь пространно о мусульманах Внутреннего Китая не зря. Дело в том, что “китайская историография пытается доказать некую органическую связь мусульман Внутреннего Китая с их единоверцами из Восточного Туркестана, которая-де и подвигла в XVIII в. цинского императора Цяньлуна завоевать последний” [1, с. 299]. Такая “связь”, разумеется, не могла не существовать, но причины завоевания региона Цинами лежали вне данной плоскости. Как и всегда, все определялось главным фактором – торгово-экономическими соображениями. Маньчжурские правители Поднебесной хотели завоевать регион в целях возвращения к геополитическим рубежам Центральной Азии и Британской Индии, чтобы приобрести преимущественные позиции в трансрегиональной торговле.

В контексте развернувшейся дискуссии вокруг современного китайского проекта “Нового Великого шелкового пути” нам хотелось бы заметить, что ханьцам не очень везло на этом направлении. Восточный Туркестан (Кашгария) за время тысячелетнего китайского отсутствия в регионе развивал торгово-экономические связи с Казахстаном и Средней Азией. Фактически, сложилось единое во всех отношениях пространство со свободным передвижением людей, товаров и проч. Недаром Восточный Туркестан часто называли Малой Бухарой, причем этот термин нередко фигурировал в зарубежной историографии [10, с. 7]. Исследователь С.К. Олимова пишет о том, что “занятие Кашгара китайцами в 1760 г. и последующая длительная борьба кашгарцев с Китаем в Восточном Туркестане не способствовали оживлению торговых контактов <...> наиболее глубокой связью с Кашгаром была у Кокандского ханства (1709–1876 гг.), правящий класс которого был связан с кашгарской элитой теснейшими родственными узами <...> Кашгар был вторым по значению внешнеторговым партнером Бухарского эмирата, после России” [11, с. 214].

Безусловно, развитию торгово-экономических связей внутренних районов Китая с Восточным Туркестаном препятствовали сложности пустыни Гоби и постоянные мусульманские волнения,

вылившиеся в 1860–1870-х гг. в мощное всерегиональное мусульманское восстание, с трудом подавленное Цинами в конце 1870-х гг. Однако главное заключалось в том, что власть над регионом продолжала оставаться за Пекином. И китайские власти пытались диктовать свои условия во всем, в том числе в сфере паломничества местного мусульманского населения. Но им это удавалось лишь отчасти. Понятно, что в течение тысячелетия между жителями Западного и Восточного Туркестана и в паломническом вопросе не было никаких проблем. Кашгарцы свободно ходили на поклонение “святым местам” в Средней Азии, и наоборот. О свободных перекочевках кочевников двух частей Туркестана туда и обратно писал Ю.Н. Рерих [12, с. 91]. Характерно, что тон в политической жизни Восточного Туркестана почти всегда задавали выходцы из региона Ферганской долины (Западного Туркестана). Например, небезызвестный Якуб-бек, образовавший в повстанческом Китайском Туркестане государство с проанглийским марионеточным режимом, был выходцем из Средней Азии и комендантом Ак-Мечети – кокандской крепости, сдавшейся русским войскам в 1850-х гг.

Паломническое движение мусульман Восточного Туркестана до восстания 1860–1870-х гг. носило преимущественно внутрорегиональный характер. Здесь было много “святых мест”. Большинство из них составляли мавзолей-мазары с захоронениями выдающихся подвижников ислама. Исследователь Р.У. Каримова отмечает, что иногда мавзолей образовывали собой ансамбль некрополей “святых”. Так, близ Кашгара был комплекс мазаров Ходжи Аппака и его сподвижников. “Святой” считался родоначальником клана, так называемых “кашгарских ходжей”. Каримова пишет: “Ходжа Аппак почитается как святой, и его мазар служит местом поклонения не только кашгарцев, но и жителей отдаленных городов и селений” [13, с. 266]. В десяти с лишним километрах от Кашгара находились “святые места” Акмазара и Падшаханходжи, которые навещали паломники. В Яркенде почитался мазар Афту-Моодан, а в окрестностях этого города – мазары Ходжи Мухаммада Шерипира, Алтын-Мазар, Муйму-барак и др. Вообще в Восточном (Китайском) Туркестане имелось и много других “святых” мазаров ислама.

Поскольку китайские войска и власти предпочитали отсиживаться в укреплениях городов, то мусульмане могли относительно беспрепятственно совершать паломничество к своим традиционным “святым местам” в регионе. Однако в местах дислокации китайских гарнизонов и оккупационных властей такое паломничество было невозможным хотя бы потому, что китайцы не просто раз-

рушали “святые места”, но даже выкапывали прах “святых” и уничтожали его. Они знали, что само разрушение мазаров мало обижает мусульман, полагавших, что “барака” (благодать) исходит не от гробниц и мавзолеев на могилах “святых”, а от самого “нетленного” праха последних. Поэтому китайцы старались уничтожить сами “источники” исламской благодати, что иначе как изуверством просто нельзя было назвать.

Естественно, что у мусульман Восточного Туркестана такая политика вызывала гнев и возмущение. Они неоднократно восставали против ханьского ига, что расшатывало власть Цинов в регионе. Этим поспешил воспользоваться кокандский хан Мадали (Мухаммед Али) (правил в 1822–1842 гг.), который добился от Китая права посадить своих “аксакалов” для защиты прав мусульман во все крупные города Восточного Туркестана. Любопытно, что кокандские “сидельцы” собирали торговые подати не в пользу местных властей, а в фонд кокандской казны.

В это время китайские власти вынуждены были смягчить свое отношение как к мусульманам вообще, так и к их паломничеству к “святым местам” в частности. Однако позже они воспользовались политическими неурядицами в Кокандском ханстве, избавившись со временем от чужих “аксакалов” и снова начали ожесточенно угнетать мусульманское население, ограничивая его во всех правах, в том числе, разумеется, и в отношении свободного паломничества к “святым” местам. Паломники стали рассматриваться китайскими властями как бродяги, самовольно покинувшие места постоянной обязательной “прописки”, со всеми вытекающими отсюда последствиями (избиение палками, тюремное заключение, конфискация имущества и т. п.).

Понятно, что повсеместно, в огромном по территории регионе, установить такой режим китайцы были не в силах, в связи с чем мусульманское паломничество к “святым местам” Восточного Туркестана ни шатко ни валко, но продолжалось. Вместе с тем китайцы периодически совершали вылазки в мусульманские “святые места”, устраивая кровопролитные “разборки” с пилигримами, сопровождавшиеся, как отмечалось, не только разрушением “святых” могил, но и их опустошением в полном смысле этого слова – удалением из могилы праха “праведника”, чтобы исходящая от него “барака” (святая благодать) более не привлекала мусульманские сборища. Останки “святых” китайцы разбирали в укромных, тайных местах, чтобы мусульмане не могли их отыскать и перезахоронить.

То, что китайцы боролись с паломничеством к исламским “святым местам” в Восточном Туркестане, объясняется весьма просто: китайцы обо-

снованно боялись большого скопления мусульман в одном месте, что было часто чревато проявлением спонтанных воинственных намерений в отношении них и началом очередного локального восстания. Однако, как отмечалось выше, избежать большого мусульманского “взрыва” в Восточном Туркестане им так и не удалось. Во время подавления восстания в регионе цинские карательные отряды под командованием генерала Цзо Цзун-тана “всячески попирали мусульман как “варваров” (то есть неханьцев – не китайцев), ущемляли их права вероисповедания, устанавливали препоны паломничеству к исламским “святым местам”, устраивали строгий полицейский надзор за ним со всеми вытекающими из этого последствиями” [1, с. 299–300].

Жестокость карателей Цзо Цзун-тана в 1877–1878 гг. в Кашгарии была традиционно (для китайцев) чудовищной – все мусульмане от младенцев до ветхих стариков, не успевшие бежать и укрыться в недоступных местах, беспощадно вырезались. Уйгуры, дунгане, казахи, кыргызы и другие сотнями тысяч уходили в российские пределы Туркестана и среднеазиатских ханств. Англичане при этом “промолчали”, поскольку они, вообще, предали преюмника Якуб-бека в обмен на тайное согласие Пекина поддерживать их в противоборстве с Россией в Азии. Французы и вся “демократическая” Европа (вкуче с американцами) отреагировали на разгул кровавой “мистерии” карателей Цзо Цзун-тана позорно молчаливо, и только Россия осудила разгул жестокой дикости китайских карателей в Восточном Туркестане. Кроме того, она практически помогла бежавшим от китайской резни мусульманам региона, приняв их в своих пределах и расселив на удобных местах в Семиречье. Туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман в мае 1877 г. писал генералу Цзо Цзун-тану о том, что “подобный жестокий коварный образ действий недостойн военачальника великой державы, не может не произвести самого тяжелого впечатления на то население, которое китайское правительство стремится опять подчинить своей власти” [14, с. 236].

Китайские каратели уничтожали не только людей. Цзо Цзун-тан, понимая значение “святых мест” для мусульман, отдал приказ своей солдатне повсеместно разрушать их, сжигать, а где это возможно, сравнивать полностью с землей. Таким образом, в Восточном Туркестане китайцами были уничтожены сотни “святых мест”. Из некоторых мазаров, как указывалось выше, по-прежнему выбрасывали прах “святых”. Русский консул Н.Ф. Петровский писал Н.М. Пржевальскому 3 октября 1886 г. из Кашгара: “Положение дел у нас прежнее. *Насилий и безобразий становится все больше и больше*” [15, с. 15] (курсив наш. – В.Л.).

В итоге паломничество мусульман Восточного Туркестана обратилось в сторону “святых мест” в Средней Азии. Однако такое мероприятие оказалось непростым. Китайские власти приняли меры к ограничению пропуска своих подданных на российские территории Средней Азии с целью паломничества к “святым местам”, в частности, к Сулейман-горе, гробнице Накшбанда, мавзолю Яссави и др. Для того чтобы выправить положение на этом направлении, китайские власти в конце XIX в. попытались сформировать из местных мусульман милицию, которая помогала бы им наводить порядок среди мусульман, в том числе и в паломнических делах. Но из этой затеи ничего не вышло. Во-первых, идея образования милиции не нашла поддержки среди самих мусульман, которые не хотели за мизерную плату служить ненавистной им власти. Во-вторых, китайцы начали переселение мусульман с тем, чтобы устроить на их место китайцев-колонистов из внутренних провинций Поднебесной. Поскольку мусульманской полиции отводилась неблагоприятная роль пособника реализации коварных замыслов китайских властей Синьцзяна, то adeptы религии Пророка, понятно, отказывались от службы в такой милиции.

После Синьхайской революции 1911 г. положение несколько изменилось. Паломничество мусульман Восточного Туркестана к “святым местам” стало более свободным. Вместе с тем новая администрация региона, стремившаяся сохранить здесь власть Китая, не была в восторге от активизации сборищ мусульман у “святых мест”. Фактически, точно так же она относилась и к хаджу мусульман региона – паломничеству в Мекку. Сами китайские авторы признают, что после революции 1911 г. наместник республиканского правительства Ян Цзэн-синь “по отношению к исламу, главной религии Синьцзяна, установил целый ряд ограничительных мер и порядков” [2, с. 153]. В частности, он отдал распоряжение о запрете хаджа мусульман региона в Мекку и свертывании “местного” паломничества. Было запрещено паломничество к исламским “святым местам” в советской Средней Азии. По мнению китайских специалистов, “эти ограничительные меры сыграли определенную положительную роль в разрешении раздельно дел политических и религиозных, во избежание вмешательства в религиозные дела извне, в проведении нормальной религиозной жизни” [2, с. 153].

Таким образом, паломничество мусульман Восточного (Китайского) Туркестана во второй половине XIX – начале XX вв. отличалось от идентичного процесса в Западном (“Русском”) таковом, поскольку оно никогда особо не приветствовалось китайскими властями региона, которые боялись местной исламской “уммы” намного больше, чем ее опасались русские (царские) власти в Средней Азии.

Литература

1. См.: *Литвинов В.П.* Религиозное паломничество: региональный аспект: на примере Туркестана эпохи средневековья и нового времени / В.П. Литвинов. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006.
2. Синьцзян, китайская земля: прошлое и настоящее. Урумчи, 2006.
3. *Осмонов О.Дж.* История Кыргызстана: с древнейших времен до наших дней: учеб. для вузов / О.Дж. Осмонов. Бишкек, 2008.
4. *Бакина Н.С.* История средневекового Казахстана / Н.С. Бакина. Алматы, 2012.
5. *Белан П.С.* Границы Казахстана: краткая история формирования / П.С. Белан. Алматы, 2008.
6. Цит. по: *Ирмуханов Б.* Прошлое Казахстана в письменных источниках. V в. до н. э. – XV в. н. э. / Б. Ирмуханов. Алматы, 2006.
7. См.: *Куропаткин А.Н.* Русско-китайский вопрос / А.Н. Куропаткин. СПб., 1913.
8. Цит. по: *Кадырбаев А.Ш.* Ренессанс ирано-арабской культуры в Китае под властью монголов и этногенез хуэй и дунган XIII–XIV вв. / А.Ш. Кадырбаев // *Иран-наме: Научный востоковедческий журнал.* 2007. № 3.
9. *Агрономов А.И.* Джихад: Священная война мусульман / А.И. Агрономов. Казань, 1877.
10. См. напр.: *Krausse A.* Russia in Asia. A record and a study / A. Krausse. 1558–1899. London, 1900.
11. *Олимова С.К.* Образ Китая в Таджикистане / С.К. Олимова // *Центральная Азия – Китай: состояние и перспективы сотрудничества: матер. междунар. конф.* Алматы, 2008.
12. См.: *Рерих Ю.Н.* По тропам Средней Азии / Ю.Н. Рерих. Самара, 1994.
13. *Каримова Р.У.* Художественные ремесла уйгуров СУАР КНР: традиции и современность / Р.У. Каримова // *Центральная Азия – Китай: состояние и перспективы сотрудничества: матер. междунар. конф.* Алматы, 2008.
14. Цит. по: *Гуревич Б.П.* Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVII–XIX вв. / Б.П. Гуревич // *Пекин: курсом провокаций и экспансии: сб. статей.* М., 1979.
15. Цит. по: *Пржевальский Н.М.* и русские исследователи Кыргызстана: Документы. Материалы. Исследования. Бишкек, 2004.